

МУХТАР АУЭЗОВ

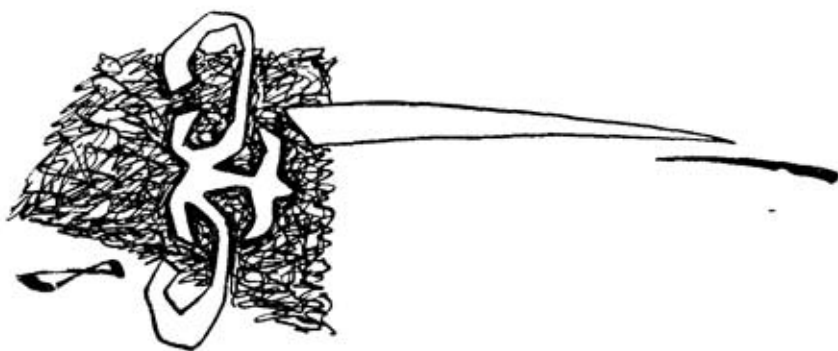
МЫСЛИ

РАЗНЫХ

**По лириче-
ским
эпиграмам**

ЛЕТ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата 1961

Дорогие друзья!¹

Позвольте мне прежде всего передать вам от имени писателей Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана горячий дружеский привет и пожелать вам доброго здоровья и успехов в вашей работе.

«С чего начать данное мне слово? — спросил человек у своего собеседника. — Рассказать ли о том, что я видел, или о том, что я слышал?» И собеседник, строгий, требовательный человек, ответил: «Расскажи о виденном, ибо виденное — правда, а слышанное — ложь». Тогда первый спросил: «А какое расстояние между правдой и ложью?» Второй ответил. «Расстояние близкое — только ширина четырех пальцев: виденное глазами — правда, слышанное ушами — ложь».

Не потому, что я страдаю эгоцентризмом, а потому, что на минуту соглашаюсь с упомянутым собеседником, я позволю себе обратиться к некоторым, именно виденным мною в жизни явлениям.

Будучи шестилетним мальчиком, в кочевой юрте своего деда я впервые увидел написанные от руки на бумаге стихотворные строки и был поражен тем, что песни, которые пелись старшими и которые мы, дети, тоже распевали, оказы-

---

¹ Речь на пленарном заседании конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте.

вается, могут молча лечь на бумагу. Еще больше я был удивлен и озадачен, когда дед пояснил, что это были строки нашего одноаульца — поэта Абая.

И я тогда подумал, как, должно быть, хорошо Абаю, когда все наши аулы на джайляу Ералы видят и слышат его слова, не видя его самого.

Абай ушел из жизни, прожив шестьдесят лет, он был известен только в рукописях, да и то только на джайляу его родных аулов. Это я видел в мои шесть лет. А другое, видимое мною теперь, в мои шестьдесят лет, говорит о другой правде: творения Абая читают на своих языках не только все поколения казахов, но и русские, узбеки, туркмены, таджики, киргизы и еще многие, многие другие народы нашей многоязычной страны. А о самом Абае, о его жизни созданы кинофильм, опера, трагедия и написан мой роман в четырех томах. Этот роман, переведенный сейчас на двадцать пять языков, повествует о жизни Абая и его народа во второй половине прошлого века.

Академический театр оперы и балета казахского народа в городе Алма-Ате носит имя Абая. Песни Абая, исполнявшиеся при его жизни одинокими певцами на двухструнной домбре, теперь поются казахскими народными артистами под аккомпанемент симфонического оркестра. Все это мы видим сегодня у меня, в моей республике Казахстане.

Я уверен, что при этих моих словах вы все одновременно вспомнили и об узбекском театре имени Навои, в котором мы сейчас собрались. На сцене этого театра обрели жизнь замечательные творения Навои; о нем самом, о его жизни со сцены настоящего театра вещают чудесные узбекские актеры, доносящие до зрителя волнующую правду искусства. И не только это. Почти зримо и ясно я представляю себе моего дорогого друга, высокоодаренного поэта и романиста, узбекского писателя Айбека, когда мальчиком шести-семи лет и он заучивал заветные строки «Чар Дивана» Навои. А сейчас его роман о Навои, прославленный на весь Советский Союз, стал популярным и любимым произведением многих и многих наших друзей за пределами нашей родины. Я наблюдал в Чехословакии месячник чехословацко-советской дружбы. Широкие круги чехословацких читателей знакомились с прошлым узбекского народа, специально перечитывая, обсуждая роман Айбека «Навои».

То же самое и с романом нашего знаменитого писателя, старшего ага всех нас, писателей Средней Азии и Казахстана, — таджикского писателя Садриддина Айни «Бухара».

В этом своем романе Садриддин Айни воспроизвел незабываемые страницы истории своей родной Бухары — Бухарь его детства и отрочества. Великолепно нарисовал он жизнь знаменитого медресе «Мир араб», создав зримые, волнующие картины и своего детства, и жизни всего своего народа в прошлом... Ныне роман «Бухара» переведен на многие и многие языки народов мира.

Я хочу рассказать и о многом другом, что мне довелось увидеть в моей родной Киргизской республике. В 1928 году в городе Фрунзе я был свидетелем огромного культурно-исторического события. Незадолго до этого была закончена первая полная запись киргизского героического эпоса «Манас», одного из величайших памятников в истории мирового народного творчества.

Его исполнял в течение четырех лет неграмотный эпик, аэд Сагымбай Орозбаков, записывал его пение учитель Абдрахманов. В результате получилось десять циклов песен общим количеством в 240 тысяч стихотворных строк. Этот в буквальном смысле океан поэзии все прежние века бытовал только на устах киргизских жомокчи, ырчи.

Теперь же я вижу совсем другое: в Москве, на декаде литературы и искусства Киргизии в 1939 году, была показана замечательная опера «Ай Чурек», созданная на сюжет «Манаса». Партии героев и героинь исполняли в ней киргизские народные артисты и артистки, высокие мастера оперно-вокального искусства. И тут мы тоже могли наблюдать путь от полного отсутствия театрального искусства в начале жизни этих артистов к полному расцвету высококвалифицированного театрально-музыкального искусства в пору их зрелости.

Я вижу наряду со всеми высокими обретениями в литературе, искусстве и науке славного туркменского народа его новейший, поучительный для всех наших братских народов богатейший вклад в великое дело международного культурного обмена: под руководством туркменских ученых талантливые переводчики осуществили прекрасный перевод великого индийского «Махабхараты» на туркменский язык.

Я привел лишь несколько реальных фактов, выделенных мною из всего того нового, что зародилось на моих глазах в родных мне республиках нашего Востока.

Речь о подобных явлениях я хочу закончить ещё одним упоминанием. В пору моей юности, в 1917 году во всей азиатской России, включая Сибирь и Дальний Восток, был лишь один-единственный вуз — Томский университет. А сейчас в

республиках Средней Азии и Казахстана восемьдесят высших учебных заведений.

Одна лишь гостеприимная ваша столица Ташкент имеет сейчас 16 вузов — то есть столько же, сколько имели в 1917 году российские столицы (в Москве было 16, а в Петербурге — 17 вузов).

Из всего виденного мною я назвал лишь одну сотую фактов роста развития нашей литературы, нашего искусства.

За одну лишь человеческую жизнь пройдены пути веков. Ясно каждому, что подобный расцвет мог быть достигнут только на ниве, вспаханной нашей Октябрьской революцией. Изменения в жизни народа, страны породили, оплодотворили и литературу. И мы все знаем, что то же самое происходит и в великом Китае и во всех странах, где строится социализм.

Да будет позволено мне теперь на основе всего виденного и познанного мною высказать несколько обобщающих мыслей и наблюдений, связанных с некоторыми специфическими вопросами литературно-творческого процесса.

Остановлюсь на вопросах национальной формы и метода нашего творчества — социалистического реализма.

Какие же особенности, проблемы национальной формы выделяются прежде всего при внимательном подходе к освещению этого вопроса?

Новое в национальной форме в нашем понимании рождается из могучего сплава характерных моментов. Во-первых, — это критический исторический отбор, отсеивание всего чуждого народному пониманию, вкусу, психологии и утверждение всего передового и прогрессивного. Это — основополагающая черта марксистско-ленинской эстетики.

Во-вторых, — изменение национальной формы, создание новых традиций, новых художественных элементов.

В-третьих, в этом развитии национальная форма обогащается новыми чертами, приобретает новые свойства, принимая более совершенные формы литератур более культурных народов нашей родины и всего мира.

Весь этот процесс в каждой из литератур протекает на благодатной почве дружбы народов, где основное, определяющее заключается только во взаимном обогащении, добровольном освоении лучшего, что есть у друзей.

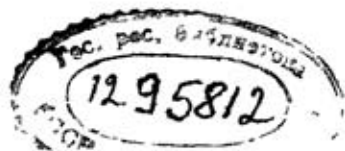
Во многие литературы советского Востока вошли, именно благодаря дружескому общению, такие новые жанры, как проза, драма, вошли благодаря освоению реалистических традиций передовых народов мира. И все наши читатели все это высококультурное, новое в истории своего народа восприняли

как органическое развитие, проявление своего кровного, близкого, лучшего, что выношено в душе народа. Узбекский, киргизский, туркменский роман воспринимается читателями — узбеками, киргизами, туркменами — как близкое им, национальное явление, как действенное проявление творческого мышления народа в новых жанрах, в новых национальных формах. Эта новая форма глубоко национальна не только по языку, но и по всем отображаемым ею особенностям жизни — психологии, быту, деяниям, образно-языковому мышлению, людским отношениям. Стало быть, мы наблюдаем здесь по отношению к каждой отдельной социалистической нации прежде всего самостоятельное, своеобразное проявление национальной формы, общее по своим устремлениям, идейно-историческим задачам, целям.

Надо сказать при этом, что применительно к художественной литературе мы не мыслим себе национальную форму в ограниченных рамках только языка. В устойчивом своеобразии формы (особенно в поэзии) во многом выражается национальная специфика той или иной литературы.

При этом не менее существенным является обогащение форм, благодаря отказу от некоторых условностей, доставшихся нам в наследство от прошлого. Наши классики, передовые деятели XIX века, считали своей исторической миссией сближение своих творческих поисков с передовыми традициями русской классической, а через нее и мировой литературы. Так поступали Абовян, Чавчавадзе, Ахундов, Хетагуров, Абай, Тукай, Садриддин Айни, Хамза Хаким-заде Ниязи. От них мы унаследовали глубоко народные традиции культурного обогащения национальных форм на новом этапе истории. Это самое сокровенное в их новаторских начинаниях. Они завещали нам не подражательство и эпигоныство, а особый уровень учебы и самостоятельного творческого восприятия лучших русских и мировых традиций и обогащение этих традиций.

Вопрос о национальной форме должен в значительно большей мере привлечь к себе теоретиков при разработке проблем социалистического реализма — в тесной связи с нашим все возрастающим международным культурным общением. Мы стараемся чутко прислушиваться к тому, как решаются вопросы теории социалистического реализма, например, художниками великого Китая и других стран Азии и Африки, стараемся узнать глубже, что нового практически вносят они в обновление национальной формы. Все это нам нужно учесть в борьбе за дальнейшее развитие, усиление и углубление

взаимосвязей дружеских литератур и творческих писательских связей.

Будучи верными своим идеалам, наши писатели вместе со своим отечеством уверенно служат делу прогресса всего человеческого общества, верой и правдой борются и всегда готовы бороться за национальную независимость закабаленных народов мира, будут, как всегда, последовательно бороться за свободу и мир во всем мире.

В заключении своего выступления я хочу на минуту вернуться к тому мотиву, с которого начал, а именно — к виденному мною. Во время своей поездки по Японии в 1957 году я услышал одно японское народное выражение: «Не говори — великолепно, если ты не видел Никко». И я, конечно, поехал в Никко и увидел действительно изумительные красоты этой местности. Вспоминая об этом, я хочу высказать пожелание, чтобы виденное, познанное на нашей конференции позволило ее участникам сказать: «Великолепно!».

1958.

